

Глава 13

ПРАВИТЕЛЬСТВО И АГРАРНЫЙ КОНФЛИКТ

Коалиционное правительство не сумело проложить новое русло для рабочего движения. Еще более беспомощным оно оказалось в вопросах аграрной политики.

Здесь Главный земельный комитет играл такую же роль, какую в промышленности играл Комитет по вопросам труда. Первое Временное правительство назначило 25 членов Главного комитета: 2 эсеров, 1 народного социалиста, 1 трудовика и 21 кадета или сочувствующего кадетам. В число выбранных членов входили представители губернских земельных комитетов, по одному от каждой губернии; представители разных организаций, отобранные так, чтобы количество делегатов от Советов рабочих депутатов равнялось количеству представителей Временного комитета Государственной думы, а количество представителей Советов крестьянских депутатов — количеству делегатов от соперничавшего с ними Крестьянского союза; представители Союза кооперативов и крупнейших сельскохозяйственных обществ; 11 представителей разных политических партий, в том числе 5 от социалистов и 6 от буржуазных партий. *Ex officio* [по должности (лат.). — *Примеч. пер.*] в него входили министр земледелия, его заместитель, а также председатель, специально назначенный Временным правительством (им стал пожилой беспартийный народник, профессор Постников). Главному земельному комитету была предоставлена широкая автономия. Этот орган, в котором правым принадлежало незначительное большинство, сумел парализовать деятельность министра земледелия, эсера Чернова.

Все эти сложности оказались напрасными. Представители губернских земельных комитетов присутствовали только на специальных сессиях; несмотря на их недемократичный состав, эти комитеты отражали местные настроения, которые быстро «левели». Из остальных примерно пятидесяти членов регулярно присутствовала на заседаниях лишь половина. Поворотным пунктом в работе Главного земельного комитета стала его первая сессия, открывшаяся 19 мая. 20 мая специальная комис-

сия предложила пленарному заседанию следующий проект резолюции: «Земельная реформа должна основываться на идее передачи всех сельскохозяйственных земель в пользование трудящемуся крестьянству». Несоциалисты тут же сплотились и потребовали убрать из формулировки слово «всех». Сначала оно было исключено незначительным большинством в четыре голоса. Но после вмешательства министра земледелия Чернова, потребовавшего поименного голосования, к недовольству авторов поправки, было назначено повторное голосование. В результате за сохранение слова «всех» проголосовали 14 делегатов, за его исключение — 4 при 9 воздержавшихся. Это голосование продемонстрировало непостоянство кадетской оппозиции и отсутствие у нее политической смелости. Большинство, сплотившееся после этого первого шага, росло и укреплялось, а оппозиция так и не смогла оправиться от удара. В рядах правых не было единства; кроме того, они не были заинтересованы в работе органа, решения которого им не нравились. Их абсентеизм граничил с пассивным бойкотом.

Главный земельный комитет был слишком громоздким и иногда не способным к реальной работе. Но на первой сессии он избрал относительно однородный президиум, который установил тесный контакт с Исполнительным комитетом Совета крестьянских депутатов. В аграрной политике образовался «треугольник», в центре которого находился президиум Главного земельного комитета, а по бокам — эсеровское министерство земледелия и Совет крестьянских депутатов. Но чем теснее смыкались эти три стороны, тем труднее коалиционному правительству было принять их предложения.

Комитет был абсолютно независим от Временного правительства лишь в одном вопросе: подготовке тщательно обдуманных предложений по законодательной основе нового земельного порядка для Учредительного собрания, которое должно было утвердить проведение радикальной аграрной реформы. Для этого министерство земледелия провело специальную сельскохозяйственную перепись, основанную на богатой статистике русских земств и дополненную лучшими методами зарубежной сельскохозяйственной статистики (в первую очередь американской). Аграрная политика должна была опираться на макси-

мально точные сведения о сельскохозяйственных ресурсах страны. Ее целью было не установление голой «уравнительной» справедливости, при которой общий уровень определяется по слабейшему, а новый подъем производительности труда на основе чисто крестьянского хозяйства. Главной причиной этого повышения должна была стать личная заинтересованность трудящегося крестьянина, гармонично сочетающаяся с заинтересованностью общества и государства. Реформа не должна была превратить бывшего собственника в беспомощного клиента всемогущего патерналистского государства. Она провозглашала равные права для всех, кто обрабатывает землю своим трудом: и те, кто только желал заняться сельским хозяйством, и те, кто уже занимался им, должны были получить строго определенное количество прав, защищаемых законом.

Не менее сложную задачу представляло определение того, каким образом равные права трудящихся на землю будут реализовываться в разных условиях. Национальный валовой доход от сельского хозяйства, разделенный на количество работников этой сферы, выражал данное «равенство прав на землю» чисто абстрактно. Для каждого однородного сельскохозяйственного района и каждой главной отрасли сельского хозяйства эта квота должна была выражаться земельным наделом определенной площади, соответствующей доле национального дохода и рассчитанной по средним местным условиям. Незанятую землю данной местности следовало разделить на соответствующее количество участков. Для существующих крестьянских хозяйств небольшое отклонение вверх и вниз от средней нормы следовало компенсировать не грубым дележом, а увеличенным налогом на «сверхнормативные излишки» (вычисленным по среднесетевому возврату), направляемым в специальный фонд распределения неразделенных земель. Возврат от участка, превышающий средний показатель за счет более тщательной обработки, большей интенсивности агротехники, проведения улучшений и т. д., не подлежал обложению налогом. При таком подходе личный интерес, являющийся в современных условиях самым убедительным мотивом, должен был проявить себя в полной мере. Экономические изменения должна была учитывать хорошо организованная система статистики, причем

вычисленные с ее помощью «нормы» следовало регулярно пересматривать. Конечным результатом должна была стать гибкая система сельскохозяйственного экономического баланса с неограниченной свободой личной инициативы. Увеличение крестьянских наделов за счет уничтожения крупных земельных владений не составляло суть реформы. Это был всего лишь первый шаг на пути к построению организованного и планируемого сельского хозяйства, основанного на свободном союзе крестьянина с землей.

Двадцать четыре комиссии и подкомиссии министерства земледелия трудились день и ночь, готовя для Учредительного собрания детальный план земельной реформы. Результаты работы этих комиссий, грубо прерванной Октябрьской революцией, впоследствии широко использовали законодатели и организаторы сельского хозяйства большевистской революции. Но они пренебрегли ее скрытой целью, логической связью отдельных частей и элементов общего плана, рассчитанного минимум на десять лет.

Главный земельный комитет и министерство земледелия находились в постоянном контакте с сельским населением. Ничего академичного в планировании нового аграрного порядка не было. Жгучие проблемы и конфликты возникали каждый день. Самые главные требования деревни можно было бы удовлетворить только в том случае, если бы Учредительному собранию была предоставлена полная свобода действий.

17 мая, накануне первой сессии Главного земельного комитета, министр юстиции эсер Переверзев с подачи Чернова разослал нотариальным конторам официальный приказ прекратить все сделки с землей. Однако распространился упорный слух, что 25 мая он отменил этот приказ под давлением большинства министров Временного правительства. 1 июня вопрос о «мерах по сохранению земельного резерва до общего решения земельного вопроса Учредительным собранием» был передан на рассмотрение совещания представителей четырех министерств, Земельного банка, ассоциаций взаимного кредита и кооперативов, после чего его положили под сукно. 7 июня новая телеграмма министра юстиции отменила все ограничения на заключение налоговых контрактов, приобре-

тение земель несельскохозяйственного назначения и некоторые другие виды контрактов; 23 июня он приказал «считать циркулярные инструкции о земельных контрактах недействительными». Это был курс «зигзагов». 23 июня Чернов сумел провести через правительство закон об отмене стольпинской земельной реформы, но сразу вслед за этим потерпел два серьезных поражения. Временное правительство отклонило одобренный Главным земельным комитетом законопроект об использовании лугов. Этот закон должен был защитить интересы крестьянства, которое при отмене крепостного права в 1861 г. было лишено своей доли луговых земель; согласно этому проекту, неиспользуемые луга должны были перейти в собственность государства. Кабинет отверг еще один законопроект о регулировании рыболовства земельными комитетами; интересы частных монополий и подрядчиков противоречили интересам рыбаков и потребителей.

Стало ясно, что та же судьба грозит и всем другим законопроектам, а особенно тем, которые регулировали вопросы арендной платы и использования лесов. Министерство внутренних дел и министерство земледелия придерживались диаметрально противоположных точек зрения. 11 июня князь Львов сделал на заседании правительства доклад о массе «революционных» декретов органов местной народной власти, нарушающих законные права землевладельцев. Он предложил признать подобные декреты недействительными и сделать публичное заявление об этом, подписанное им и Черновым. Последний наотрез отказался что-либо подписывать, поскольку отсутствие новых аграрных законов сверху делало неизбежным «сепаратное» законодательство снизу. Несмотря на несовершенства местных законов, это было меньшее зло, чем попытка запретить людям нарушать старое царское законодательство, которая неминуемо закончилась бы беспорядками и анархией в деревне.

В начале революции у части землевладельцев возникла идея саботажа, то есть отказа засеять свои поля. Во многих местах отношения между крестьянами и землевладельцами накалились до такой степени, что помещикам оставалось только одно: бросить хозяйство и пассивно следить за тем, как оно

умирает. Земельные комитеты больше не могли мириться с таким положением. В Раненбургском уезде Рязанской губернии, центре наиболее консервативных землевладельцев, деревенские и сельские сходы высказались за отмену арендной платы и «черный передел» и предложили земельному комитету «решить этот вопрос». После встречи со специально приглашенными помещиками земельный комитет, на который «произвело сильное впечатление известие о потере почти двух миллионов пудов пшеницы, раньше выращивавшихся в их имениях, пустующих полях и грязном скоте, лежащем в навозе и умирающем с голоду», принял кардинальное решение. Часть имений переходила под его прямое управление, а часть передавалась во временное пользование крестьянам. Как это решение, так и следующее, менее бескомпромиссное, были отменены более высокой инстанцией. Все вернулось в первоначальное состояние; в результате земли остались невспаханными.

Вторая общая сессия Главного земельного комитета прошла с 1 по 6 июля. Делегат из Могилева сообщил, что «по всей губернии расклеен приказ, подписанный двумя князьями, Львовым и Друцким-Соколинским, который грозит суровым наказанием каждому нарушителю старого земельного законодательства». Это заставляет крестьян задавать вопрос, была революция или она им приснилась. Представитель Курской губернии доложил, что губернский земельный комитет вынужден работать в чудовищных условиях. Его сотрудники должны наводить порядок в земельных отношениях, не допускать самоуправства и анархии, но у них нет денег на оплату поездок. Тем временем в умах крестьян созрело простое решение: «Не будем платить помещику за аренду ни копейки, а переведем эти деньги в фонд земельного комитета». Министерство внутренних дел отказывалось поощрять даже менее серьезные шаги. Когда Богородицкий уездный исполнительный комитет обложил помещичьи земли таким же налогом, как и крестьянские, министерство отменило этот «произвольный акт», а в ответ на жалобу об отсутствии денег на поездки предложило провести сбор средств среди крестьян. Вдохновленные такой поддержкой, землевладельцы в некото-

рых местах отказывались платить местные налоги; после этого в Лифляндии местные земельные комитеты конфисковали их имущество и продали его с аукциона. Повсюду попытки земельных комитетов регулировать арендные отношения и арендную плату сопровождались угрозами подать в суд. Губернии громогласно требовали новых законов, обещанных Временным правительством; министр земледелия мог ответить им только одно: «Законопроекты, направленные во Временное правительство, не получили единодушного одобрения»¹.

Эта вторая сессия рассмотрела и одобрила в принципе проект нового закона о земельных комитетах, который должен был заменить устаревший первоначальный закон. 16 июля этот проект, который демократизировал порядок выбора членов комитетов и расширял полномочия последних, был принят в последнем чтении президиумом Главного земельного комитета, но «не был утвержден Временным правительством». Вместо него правительство приняло декрет от 25 августа, согласно которому земельные комитеты пополнялись представителями казначейства, Дворянского и Крестьянского земельных банков, а там, где филиалов этих банков не существовало, — управляющими филиалами казначейства. Вместо демократизации произошла бюрократизация.

Сессия выразила безоговорочную поддержку министерству земледелия. Она заявила, что работу земельных комитетов «тормозили некоторые инструкции министерства внутренних дел», что «центральное правительство чрезвычайно затруднило работу комитетов, не приняв ни одной важной меры, ни одного важного закона» и что «только решительное изменение этой ситуации может помочь стране дожить до Учредительного собрания и спасти ее от произвольного решения вопроса»².

Даже местные сотрудники органов внутренних дел хорошо понимали нереальность политики их министерства. Уездный комиссар из Самарской губернии заявил следующее: «Я немедленно и без задержки направляю комитетам решения Самарского губернского съезда как обязательные для всех граждан. Телеграфное распоряжение заместителя министра внутренних дел Леонтьева от 27 июля не может быть выполнено». Это было только начало. Затем началась настоящая

эпидемия отставок уездных и губернских комиссаров Временного правительства, вызванных невозможностью выполнять инструкции, присланные из столицы. Еще меньше с телеграммами центрального правительства считались Советы. Например, Казанский совет ответил: «Циркулярами министерства голос крестьян не задушишь... Угрозы тюрьмой и другими наказаниями не заставят Совет отказаться от исполнения воли народа».

Князь Львов не вынес краха своей политики. После приема делегации Союза землевладельцев, потребовавшей точного ответа на все свои вопросы и чрезвычайно довольной результатами этой встречи, Львов поставил ультиматум: «Либо я, либо Чернов».

Союз землевладельцев был создан в 1906—1907 гг. под влиянием страха, вызванного первыми признаками аграрной революции. После триумфа столыпинской реакции дворяне успокоились, и союз распался. Однако в ноябре 1916 г. он возник снова, созданный группой из тридцати трех членов, которую возглавляли обер-церемониймейстер, граф Орлов-Денисов и обер-штаб-лейтенант Н.Н. Шебеко. Кроме того, в нее входили 4 камергера, 6 камер-юнкеров, 1 обер-егермейстер, 2 статс-секретаря, 3 князя и 5 действительных статских советников. Председателем союза сделался один из богатейших людей России, владелец нескольких сотен тысяч десятин земли в семи губерниях П.Н. Балашов.

При царе союз преследовал главным образом материальные цели. Он заключил контракт с министерством земледелия на поставку от 2 385 000 до 4 170 000 пудов овощей и сухофруктов для армии по очень выгодным ценам, с предварительной оплатой 50% общего заказа. Революционное правительство пересмотрело эти слишком щедрые условия и в конце концов аннулировало контракт. Тогда союз сделался сугубо политическим. В меморандуме на имя «его превосходительства министра, председателя Временного правительства» Союз симбирских землевладельцев протестовал против заявления министра земледелия о необходимости «решения местных экономических конфликтов в интересах трудящегося крестьянства». Он требовал либо полного восстановления

прав землевладельцев, либо их освобождения от налогов и податей, а также моратория на закладные. Различные местные отделения Союза требовали «паритета» землевладельцев в земельных комитетах. В комитетах по заготовкам они требовали большинства «для производителей, а не для потребителей» (Кубанский союз производителей пшеницы). Иногда (как в случае с Союзом землевладельцев Ростовского уезда) они требовали «лишить поставок города, жители которых приезжают агитировать за восьмичасовой рабочий день или освобождение военнопленных от полевых работ». На съездах союза ораторы требовали освободить землевладельцев от фиксированных цен на пшеницу: «Они хотят твердых цен, а мы хотим твердого правительства». Самарский союз сеятелей требовал «немедленного принятия декрета, объявляющего недействительными все постановления Советов крестьянских депутатов — органов, не получивших от правительства права вводить какие бы то ни было нормы; то же относится ко всяким земельным и прочим комитетам», узурпировавшим власть. Иногда они предъявляли ультиматум: «Никаких законов по земельному вопросу до Учредительного собрания», потому что «Временное правительство не имеет права» издавать их. На съезде союза в Одессе делегат Сидоренко заявил: «Они получают нашу землю только через наши трупы». Съезд телеграфировал Керенскому требование отставки Чернова. Он заявлял, что Временное правительство «не дало ничего, кроме анархии, вакханалии и беспорядка». Всероссийский съезд союза возражал против отправки приветственной телеграммы Временному правительству: «Мы не желаем благодарить того, кто нас ограбил».

Делегация союза вернулась на съезд, очень довольная князем Львовым. В своем требовании Временному правительству сделать выбор между ним и Черновым князь Львов сформулировал свои претензии к последнему совершенно в духе союза: «Он издает декреты, которые подрывают уважение народа к закону; не препятствует стремлениям к захвату земель; направляет земельные отношения не в то русло и даже, кажется, оправдывает роковые произвольные захваты, происходящие по всей России, констатируя свершившийся факт».

Конечно, со своей точки зрения, князь Львов был абсолютно прав. Законопроекты Чернова не пытались загнать земельные отношения в *старое* русло. Напротив, они приветствовали непреодолимое стремление крестьян к земле, право на которую, с точки зрения народа, принадлежало только трудящимся. Чернов понимал, что единственный путь, с помощью которого создатель аграрного законодательства может избежать «констатации свершившегося факта», в какой бы форме тот ни выразился, — это принятие законодательства, которое не плетется в хвосте событий, как было до сих пор, а торопливо роет новое русло для неудержимого потока.

Уход Львова из правительства только освободил место председателя для Керенского, который в этом конфликте в первый и последний раз выступил на стороне Чернова. Воспользовавшись одновременной подачей в отставку нескольких кадетских министров из-за украинского вопроса и временным численным преимуществом левых, Чернов в конце концов добился принятия закона, запрещавшего сделки с земельной собственностью до созыва Конституционного собрания. Единственная уступка, на которую ему пришлось пойти, заключалась в замене запретительной формы внешне более мягкой и сдержанной формулировкой: «В каждом конкретном случае земельный контракт требует специального разрешения местного губернского земельного комитета и его утверждения министром земледелия»³. В Совете крестьянских депутатов и Всероссийском центральном исполнительном комитете Советов Чернова приветствовали громкими овациями. Казалось, что с политикой невмешательства и беспомощных попыток удержать крестьянство в рамках дореволюционного земельного кодекса покончено раз и навсегда.

Но эта надежда вскоре развеялась. Командующий Юго-западным фронтом генерал Корнилов 8 июля отдал приказ по всей прифронтовой зоне: под угрозой уголовного преследования, лишения прав собственности и ареста он запретил всякое «произвольное вмешательство» местных органов в земельные отношения. Кроме того, запрещалось требовать у местных помещиков повышать заработную плату военнопленным или забирать этих пленных из больших имений и передавать их же-

нам солдат. Приказ вызвал волнения как в деревне, так и в армии. Генерал не шутил. За нарушение этого приказа был привлечен к суду земельный комиссар Полтавской губернии. Военные власти приказали рассматривать такие дела немедленно и при необходимости использовать войска. Ободренные этим примером, гражданские суды и государственная прокуратура развернули активную деятельность и за пределами прифронтовой полосы. Они начали арестовывать членов земельных комитетов. Последние потеряли у населения всякий авторитет, и их дальнейшая деятельность стала невозможной.

Чернов предпринял новый шаг: 16 июля он издал «инструкцию для земельных комитетов». В ней подтверждалось право комитетов забирать земли, которые их владельцы не могли обрабатывать, и распределять их среди крестьян. Он подтвердил право местных земельных комитетов быть посредниками при пересмотре арендных договоров между собственниками и арендаторами. Крестьяне, обязанные сдавать излишки фуража на военные нужды по твердым ценам, наделялись правом делать это только после обеспечения кормом собственного скота. Инструкция разрешала использование помещичьего скота и механического оборудования, но только с согласия земельных комитетов и комитетов по заготовкам и под их непосредственным наблюдением. Земельные комитеты должны были наблюдать за охраной лесов от хищнической вырубки и защищать право крестьян брать древесину для собственных и общественных нужд. Обеспечивалась защита образцовых хозяйств, племенного скота и ценных сортов зерновых. В заключение инструкция рекомендовала земельным комитетам удовлетворять справедливые и хорошо обоснованные требования трудящегося крестьянства, считать себя полномочными органами государственной власти и рассчитывать на поддержку министерства земледелия; в свою очередь, последнее приложит все силы, чтобы издать новые законы, призванные «покончить со сложившейся в земельных отношениях ситуацией, сомнительной и неопределенной с точки зрения народного понимания права и закона».

Позиция министерства земледелия тут же вызвала протест министерства юстиции: «Согласно пункту 4 статьи 7 декрета

о земельных комитетах, право последних издавать обязательные для исполнения распоряжения в области аграрных и земельных отношений не дает им права распоряжаться чужой частной собственностью».

Трудно поверить, что такой точки зрения можно было продолжать придерживаться не только в революционное, но даже просто в военное время. Мировая война ограничила право частной собственности множеством инструкций под дамокловым мечом реквизиции.

Министерства заготовок и внутренних дел одновременно разослали соответствующие циркуляры. Циркуляр Чернова был для местных властей лучом света; два других окончательно сбили их с толку, особенно циркуляр министерства внутренних дел, подготовленный еще при князе Львове, но подписанный временно исполнявшим его обязанности Церетели. Этот циркуляр игнорировал неумолимую неизбежность перехода деревни от одного порядка землепользования к другому. Он был напичкан фразами, заставлявшими вспомнить старую бюрократическую утопию: «принять решительные меры против нарушителей закона»; «запретить земельным комитетам превышать свои полномочия»; «преследовать нарушителей по всей строгости закона». Приведем лишь один отзыв, пришедший из провинции:

«Телеграфный циркуляр министерства внутренних дел от 18 июля был передан губернским комиссарам. Его копии уже находятся на руках у местных помещиков, через несколько дней он станет известен всем трудящимся крестьянам и вызовет тревогу за судьбу будущей аграрной реформы... Товарищи! Вас вводят в заблуждение люди, которые сеют бурю и анархию. Вы далеки от чувств деревни»⁴.

Инструкция Чернова была попыткой перекинуть мост между действиями правительства и чувствами деревни. Почему же она подняла такую бурю?

К тому моменту тревоги и опасения сельских помещиков достигли предела; им требовался козел отпущения. Жертвой стали земельные комитеты; партия кадетов и цензовая Россия ощущали себя курицей, высидевшей утиное яйцо. Диктаторский жест генерала Корнилова, явно рассчитанный на

завоевание сердец землевладельцев, подарил последним новую надежду. Но своей инструкцией Чернов санкционировал деятельность земельных комитетов, сделав их исполнителями высшей воли и предложив народу иметь дело только с ними. Это помешало правительству поддаться ожесточенному давлению справа.

Правительство обсудило вопрос, имеет ли министерство юстиции формальное право привлечь министерство земледелия к суду за превышение полномочий. И тут нашлась лазейка. Большевики потерпели первое крупное поражение. Они попытались вывести народ на улицу с лозунгом «Вся власть Советам!», после чего Керенский привел в Петроград войска с фронта. Начались аресты большевиков; правые подняли голову и потребовали распустить не только Советы, но и все большевистские организации. Главной мишенью антисоветской кампании стал Чернов. Возглавил атаку на него Милюков, стремившийся отомстить за свою майскую отставку. Его газета «Речь» обвинила Чернова в «пораженчестве», как участника Циммервальдской конференции социалистических партий, выдвинувшей лозунг борьбы за скорейшее заключение демократического мира. Однако вся публицистическая деятельность Чернова во время мировой войны была посвящена решительной борьбе с «пораженчеством»⁵. Кроме того, его обвиняли в издании «на немецкие деньги» литературы, предназначенной для русских военнопленных в Германии. Единственным поводом для такого обвинения было его участие в «Обществе духовного успокоения русских военнопленных», которое издавало газету «На чужбине». В данное общество входили и такие левые интернационалисты, как М.А. Натансон, и такие правые «оборонцы», как пламенный патриот, полковник Оберучев. В некоторых немецких концентрационных лагерях военные власти даже запрещали распространение этой газеты. Теперь яростная политическая борьба в России достигла апогея, и в ход шло любое оружие. Цензурная Россия выдвинула лозунг: «Никаких циммервальцев на министерской скамье!» Позже этот лозунг был повторен на московском Государственном совещании казачьим генералом Калединым и правым кадетом Маклаковым. Слова «Циммер-

вальда», «пораженчество» и «немецкие деньги» застряли в мозгу филистеров. Сражаться с Великой Земельной Реформой было труднее, чем клеветать на конкретного человека. Грязная волна поднялась еще выше. Наконец распространился слух, что у газетчиков Бурцева и Щеголева, проводивших независимое расследование дел о шпионаже, есть документы, уличающие Чернова в «службе немцам».

Чернов потребовал, чтобы правительство расследовало все его действия; он заявил, что на время оставит свой министерский пост, чтобы облегчить предъявление ему обвинения. В Совете, особенно среди крестьянских депутатов, данная новость вызвала взрыв. Крестьяне заявили, что для деревни это станет искрой в пороховом погребе. Воинственные помещики поднимут голову, а крестьяне, потерявшие всякую надежду на законное решение насущных для них вопросов, станут полагаться на собственные силы и предпримут самые отчаянные действия; результатом станет всероссийский погром помещиков. Чернов успокоил их только с большим трудом, заверив, что клеветники будут быстро разоблачены. На заседаниях губернских крестьянских съездов царила тревога. Тамбовский съезд заявил: «Отставка Чернова и задержка в принятии его временных законов неизбежно приведет к беспорядкам и анархии в деревне». Воронежский съезд телеграфировал: «Чернов должен остаться министром земледелия, крестьянским министром. Он — наша поддержка, крестьяне верят ему, надеются на него как на своего главу, который проведет социализацию земли». Кризис в министерстве земледелия вызвал отклик в армии: поток телеграмм требовал ареста Милюкова и грозил, что военные сами накажут клеветников и дезорганизаторов.

После заявления Бурцева и Щеголева о том, что никаких уличающих Чернова документов у них нет, и соответствующего доклада министерства юстиции правительство поняло, что фактическая база у обвинения отсутствует. В новом коалиционном кабинете Чернов снова занял пост министра земледелия. Для частичного удовлетворения кадетов Керенский принес в жертву Церетели — видимо, не без тайного удовольствия; более умеренный, чем Чернов, Церетели был опасным

соперником Керенского, поскольку пользовался в правительстве большим влиянием.

30 июля Чернов созвал совещание представителей министерства земледелия, курировавших губернские земельные комитеты. Все как один настаивали на том, что обязанности, возложенные на земельные комитеты, требуют соответствующих полномочий. Без таких полномочий и новых законов комитеты будут бессильны перед судом, и их придется распустить. К Керенскому направили специальную делегацию, которая должна была разъяснить ему всю опасность ситуации. «Глава правительства заявил, что ответить на все вопросы сразу невозможно, и попросил сообщить местному населению, что новые законы будут приняты в ближайшие дни»⁶.

Тем не менее попытка Чернова воспользоваться этим обещанием и заставить правительство принять закон, регулирующий использование общинных лесов, как и прежде, потерпела неудачу. Леса были одной из больших проблем деревни, поскольку спекулянты вздули цены на древесину до такой степени, что она стала крестьянину не по карману. После резких стычек на нескольких заседаниях правительства рассмотрение законопроекта было прервано, а потом передано в согласительную комиссию. Проект вернулся в правительство только 10 октября.

Главный земельный комитет сделал еще одну попытку повлиять на правительство. Председатель комитета, умеренный беспартийный профессор Постников, направил Керенскому новое предупреждение. В письме содержалась жалоба на «нерешительность Временного правительства в принятии мер по наведению порядка в новых земельных отношениях». В таких условиях «земельные комитеты, предоставленные самим себе, без определенных правил и ограничений, пытаются каждый по-своему удовлетворить неотложные требования действительности», результатом чего становится хаотический набор местных решений. Ситуация обостряется попытками органов правительства исполнять существующие законы и применять рискованные меры, включающие аресты местных земельных комитетов». Жизнь двигалась быстро; медлительность правительства могла только обострить сложившуюся ситуацию.

Председатель Главного земельного комитета предсказывал, что продолжение такой политики приведет к полной анархии и саботажу всей аграрной реформы.

«9 августа Временное правительство наконец провело заседание, посвященное аграрному вопросу. Заслушав двухчасовой доклад В.М. Чернова, правительство не приняло никакого решения»⁷.

На этом заседании Чернова атаковало правое крыло. Его обвинили в опубликовании многочисленных (всего их было четырнадцать) проектов законов, еще не одобренных Временным правительством, после чего в губерниях все Советы, земельные комитеты и местные отделения партии эсеров пользовались этими проектами как законами и начинали выполнять их. Чернов ответил, что он будет продолжать публиковать свои проекты (так же поступали и все остальные министерства), потому что считает, что общественность должна знать о деятельности Временного правительства. Идея пассивного сопротивления непреодолимо надвигавшейся аграрной революции была вредной и безнадёжной одновременно. Можно было либо законодательно закрепить эти колоссальные изменения в сельском хозяйстве страны, либо с помощью упрямого, но тщетного сопротивления спровоцировать взрыв, хаос, крестьянский пугачевский бунт. В Ельнинском уезде Смоленской губернии было арестовано 14 местных земельных комитетов; в другом уезде — еще 70 человек, охарактеризованных уездным земельным комитетом как «самые лучшие, самые опытные люди, которым доверяет местное население». Если так будет продолжаться и дальше, заявил Чернов, под суд придется отдать три четверти России. Каждый, кто думает, что такое возможно в стране, сотрясаемой революцией, слеп.

Но Чернов и большинство Временного правительства были, по выражению Лассаля, «варварами друг для друга»; они разговаривали на разных языках.

Дальнейшее пребывание Чернова во Временном правительстве стало абсолютно бесполезным. Он несколько раз заявлял об этом Центральному комитету партии эсеров и каждый раз получал один и тот же ответ: его отставка станет катастрофой. Но у руководства партии начало складываться мнение,

что политику Чернова удастся спасти, пожертвовав им лично. Причиной, как и в случае с Церетели, было то, что Керенский не терпел в своем правительстве независимых людей.

Открытый конфликт Керенского с главнокомандующим, генералом Корниловым, обнаживший их сложные и двусмысленные отношения, дал Чернову повод решительно порвать с Керенским и вернуться в Совет.

Первым результатом его отставки стал новый удар, нанесенный земельным комитетам. 8 сентября Временное правительство издало постановление, согласно которому деятельность земельных комитетов и комитетов по заготовкам должна была осуществляться под контролем специальных административных судов.

Казалось, что после этого наступило некоторое улучшение. Министром земледелия стал беспартийный С.Л. Маслов, обласканный Керенским. Министр юстиции Малянтович пообещал освободить арестованных членов земельных комитетов. Однако осуществление этой странной необъявленной амнистии задерживалось. Некоторые арестованные были выпущены из тюрьмы только Октябрьской революцией.

Чернов начал энергично защищать свою политику в прессе. Он использовал все способы, включая призыв к элементарному здравому смыслу помещиков:

«Предупредительную роль земельных комитетов не понимали, их работу не ценили, а больше всех были недовольны землевладельцы — те, кого они фактически спасали от куда худшей участи... Они продолжали считать земельные комитеты главным виновником происходившего. Но земельные комитеты лишь принимали на себя все крестьянские требования. Землевладельцы не понимают, что рубят сук, на котором сами сидят».

На крестьянском съезде относительно спокойной Тамбовской губернии делегаты с тревогой отмечали резкий рост числа помещичьих погромов. Секретариат съезда сделал вывод, что задержка выполнения декларации правительства делает «такие беспорядки неизбежными: начавшись в одном месте, они вызовут взрыв и распространятся по всей стране. Если эта декларация не даст результата, деревня скоро прогонит и

Советы крестьянских депутатов, и земельные комитеты; до сих пор мы не получили ничего, кроме слов».

Чем быстрее развивались события, тем настойчивее Чернов вел свою кампанию. Наконец он издал глас вопиющего в пустыне: «Мы не можем ждать. Ответственность правительства в такой момент слишком велика. Предотвратите пожар и передайте землю под контроль земельных комитетов!»

Но правительство до самого конца двигалось со скоростью улитки. Только в середине октября Маслов представил законопроект «о регулировании земельных и аграрных отношений земельными комитетами». Чтобы провести его через «игольное ушко» Временного правительства, Маслов внес ряд изменений в политику Чернова. Обрадованный Ленин тут же ударил в набат: «Эсеры... предали крестьян, предали крестьянские Советы и перешли на сторону землевладельцев!»⁸ Но даже это не помогло. Правительство собралось для обсуждения данного проекта 24 октября, однако ему пришлось решать более неотложный вопрос защиты столицы. Начался государственный переворот: большевики триумфальным маршем шли по улицам.

Тем временем отсутствие ясной и четкой правительственной политики вело аграрную проблему к неминуемому столкновению между максимализмом крестьян и максимализмом помещиков. «Мы не признаем возможности отчуждения земли без выкупа, — заявил граф Олсуфьев на Саратовском губернском съезде землевладельцев, — потому что это будет не актом государственной власти, а форменным грабежом». Иными словами, с точки зрения помещичьего дворянства, его «земельный суверенитет» был выше суверенитета государства.

Однако крестьяне считали, что это помещики должны платить за многолетнее использование «общей», «Божьей» или «царской» земли; они ни за что не согласились бы платить дворянам за землю, «политую кровавым мужицким потом». Крестьянин с его полумистической идеей Матери-Земли категорически отвергал мысль о выкупе. Но у него были и другие мотивы, чисто практические.

В самом начале революции профессор Каценеленбаум подсчитал стоимость выкупа земли. «Общая сумма компенсации равнялась бы пяти миллиардам рублей»⁹. Государство находи-

лось на краю банкротства. Россия была обязана либо отказаться от земельной реформы, либо провести ее без выкупа.

У этого вопроса была и другая сторона. Профессор Каценеленбаум подсчитал, что «после завершения выкупа казне пришлось бы выплачивать триста миллионов рублей годовых процентов по старым и новым долгам». Крестьяне платили дворянам около трехсот миллионов рублей в год за аренду. После реформы помещики получали бы те же триста миллионов рублей в год, но под другим названием.

«Разве для этого мы боролись десятки лет? Разве для этого мы делали революцию?» Именно так выражались крестьяне, когда сторонники выкупа пытались объяснить, как можно организовать финансовую сторону земельной реформы.

«Такие ораторы нашему мужику не нравились. Долой ораторов, которые хотят нас заставить платить помещикам; на черта нам такая свобода?»¹⁰

Без положительного решения вопроса о выкупе временная «умиротворительная» политика не имела для землевладельцев смысла. Предлагали ли им компромисс? Возможно, помещики согласились бы на него, если бы компромисс обеспечивал им надежное будущее. Но такой компромисс был бы временным, поскольку окончательное решение по земельному вопросу должно было принять Учредительное собрание. А какое решение оно могло принять? Только об уничтожении частной собственности на землю. Что мог дать помещикам такой компромисс и что они теряли, отвергая его? Они бы ничего не приобрели, а терять им было нечего, потому что надеяться на Учредительное собрание не приходилось.

Конечно, при политике компромисса все прогрессивные имения и более развитая агротехника, применявшаяся помещиками, сохранились бы и влились в новый сельскохозяйственный порядок. Сменилась бы только вывеска. Такие поместья стали бы образцовыми хозяйствами, которыми управляли бы государство, земства или уездные кооперативные общества. Государство, прогрессивные крестьяне и министр земледелия Чернов стремились добиться этого с помощью плана государственной земельной реформы. А что же обиженное поместное дворянство? Разве у него не было искушения сказать: «Если все

это перестанет быть моим, так не доставайся же ты никому»? Чем хуже, тем лучше! Пусть они вламываются в особняки, растаскивают их по кирпичику и делят плоды своей «уравниловки», пусть грабят леса, ломают и жгут!

На всероссийском Государственном совещании официальный представитель Союза землевладельцев закончил свою речь знаменитой фразой: «Вы говорите, что с нашей собственностью на землю покончено? Пусть так! Мы понимаем, что раздел земли неизбежен. Пусть будет дележ, пусть будет «черный передел», но только не дележ по-черновски!»

У общественного класса, которому грозит полное уничтожение, неизбежно развивается «героизм отчаяния». Среди многочисленных призывов, ходивших в кругах землевладельцев, особенно любопытен один документ. «Будущие пролетарии, российские землевладельцы, соединяйтесь!» — таким лозунгом начинался призыв Союза обездоленных землевладельцев. А заканчивался он следующим образом:

«Так же, как социалисты не признавали самодержавие, когда его признавали все, мы не можем признать преступную, грабительскую республику. Мы не можем избежать разрушения, не можем избавить наших детей от голода, но никогда не подчинимся приказам преступного правительства, которое хочет узаконить всеобщий разбой, грабеж и воровство. Нам не будет места в нашем несчастном отечестве так же, как его не было у социалистов. Но когда у социалистов не осталось выбора, они перешли к тактике террора и мести. Разоренных землевладельцев будут сотни тысяч; у десятой части этих несчастных хватит мужества однажды темной ночью прийти с коробкой спичек и бутылкой керосина в десятки тысяч бандитских сел и деревень, где вскоре состоится трогательное братание рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые побегут туда после банкротства заводов и фабрик, и устроить всероссийский пожар, после которого не останется ни домов, ни лесов, ни полей. И в этой страшной, неминуемой мести мы найдем свое единственное утешение»¹¹.

Подобные документы считались таким же курьезом, как анонимные угрозы, ежедневно поступававшие по почте министру-социалисту Чернову. Часто это были грозные смертные

приговоры от имени существующих или придуманных организаций, где прописные буквы для вящего эффекта были написаны кровью.

Угроза партизанской войны в деревне могла бы стать реальностью, если бы помещики могли объединиться с зажиточными элементами деревни. Речь идет не столько о кулаках, классе ростовщиков-паразитов, которых в деревне ненавидели (этот класс был экономически важен, но рассеян и малочислен), сколько о группе «хуторян», составлявшей почти четверть крестьянской России. Они появились благодаря политике Столыпина, целью которой было создание в России класса экономически сильных фермеров западноевропейского типа. Помещики действительно планировали объединиться с этими элементами в национальный Союз землевладельцев, который вышел на политическую арену с большим шумом и треском. Но за немногими исключениями, результаты его деятельности не стоили потраченных усилий. Хуторяне, вынужденные выбирать между обреченным поместным дворянством и многими миллионами крестьян, обычно долго не медлили. И в самом деле, медлить они не могли.

Газеты того времени пестрели следующими заметками:

«В деревне Свищевка Спажковского округа Саратовской губернии владельцы мелких крестьянских хозяйств и хуторяне объединились и решили поддержать партию социалистов-революционеров. Чтобы избежать споров из-за земли до созыва Учредительного собрания, они решили оставить каждому землю, которой тот владеет в настоящий момент, но тот, кто не в состоянии обрабатывать свой надел собственными силами, должен передать ее в коммуну с помощью земельного комитета».

«Решение. 14 июля 1917 г. мы, нижеподписавшиеся жители деревни Анастасино Широко-Уступского округа Аткарского уезда, все владельцы хуторов, узнали, что крупные землевладельцы и помещики создали союз для защиты своей частной собственности и для количества хотят привлечь в него нас, хуторян. Возмущенные наглостью части землевладельцев, заявляем, что мы, хуторяне, никогда не предадим наших несчастных безземельных братьев-крестьян и не вступим ни в

какой союз с нашим общим врагом. Мы ждем Учредительного собрания, чтобы отдать наши земли членам коммуны, у которых нет своих хуторов. Мы не возражаем и никогда не возражали против превращения наших хуторов в коммуну¹².

Однако Союз землевладельцев сумел найти отклик в определенных кругах. На съезде рязанского филиала этой организации местный предводитель движения землевладельцев Казаков обрадовал делегатов следующей новостью: «Совет Всероссийского союза землевладельцев установил тесный контакт с Советом съездов представителей торговли и промышленности и достиг взаимопонимания с банками, особенно земельными». В Тамбовской и Пензенской губерниях организации землевладельцев и промышленников работали рука об руку. Из Тулы в адрес министерства внутренних дел пришла телеграмма, описывавшая анархию в губернии и требовавшая прислать кавалерийский полк. Она была подписана Союзом землевладельцев, Союзом промышленников и Союзом духовенства Тульской епархии.

В самой деревне российские землевладельцы добились определенных успехов. Например, в июле их Новгород-Северское отделение насчитывало свыше 3000 членов, Полтавское — 2500, а Сергиевское, Одесское, Екатеринославское и некоторые другие — около 500 членов каждое. Конечно, по сравнению с количеством мужиков в серых шинелях это была мелочь. Возможно, главным направлением деятельности этих отделений был поток жалоб в адрес Временного правительства, осуждавших действия крестьян и требовавших восстановить нарушенные права собственности. Министерство внутренних дел отвечало на жалобы таким же потоком телеграмм своим губернским комиссарам, а ответы последних снова и снова доказывали надуманность этих жалоб. Комиссар очень беспокойного Раненбургского уезда Рязанской губернии докладывал:

«Тщательное расследование не подтвердило ни одной из огромного количества жалоб. Из-за фальшивых обвинений труд людей и финансовые средства потрачены зря. Несомненно, это было попыткой подорвать силы земельного комитета и посеять раскол среди населения, что в первые два месяца революции сделать было очень легко»¹³.

На второй сессии Главного земельного комитета представитель Нижне-Новгородской губернии доложил, что крестьяне говорят только об одном: мы устали ждать, мы ждали триста лет, а теперь, когда мы завоевали власть, больше ждать не хотим.

А чего им было ждать? Им сказали: Учредительного собрания. К несчастью, это собрание с удручающей регулярностью откладывалось. Лучшего способа вызвать у крестьян ненависть к Учредительному собранию нельзя было придумать.

Именно поэтому идея о том, что Учредительного собрания ждать не нужно, а нужно взять землю сразу, нашла множество сторонников. На второй сессии Главного земельного комитета представитель Смоленска сообщил о разговорах крестьян Сычевского уезда: «Они все толкуют об Учредительном собрании. Небось Николашку свергли без всякого Учредительного собрания; почему бы и нам не стереть помещиков с лица земли тоже без него?» Большевики оказались тут как тут и начали их подзуживать: «Это можно. Надо только установить диктатуру рабочих и крестьян, и все проблемы будут решены в два счета, одним росчерком пера на революционном декрете».

Однако помещиков это ничуть не пугало. Диктатура, большевизм — какая разница, если Учредительное собрание все равно не оставит им землю и решит не платить за нее? «Чем хуже, тем лучше» — пусть все идет самым кровавым и деспотичным путем. На этом *reductio ad absurdum* [доведении до абсурда (лат.)]. — *Примеч. пер.*] революция и свернет себе шею.

Позже даже прогрессивный и осторожный крупный землевладелец и октябрист Шидловский писал:

«Я думаю, что большевики, сами того не подозревая, сослужили России огромную и незабываемую службу, разогнав Учредительное собрание под председательством Чернова. Ничего хорошего из этой затеи не вышло бы все равно; оно было не менее вредным, чем большевизм, хотя без диктатуры и террора; я чувствую, что если стране было суждено пережить суровый кризис, то уж лучше выпустить наружу всех чертей сразу, чем делать это постепенно»¹⁴.

Если так говорили люди, уже пережившие ужасы диктатуры и террора, то тем легче им было придерживаться «не-

готивного максимализма», когда «диктатура пролетариата» была всего лишь туманной абстрактной идеей, еще не выразившейся в крови и терроре.

На какое-то время у помещиков возник луч надежды, связанный не с созданием сильной организации, способной подавить крестьянское движение, а с расколом и дезорганизацией внутри этого движения.

Крестьяне присоединились к советской демократии. Они добавили к существовавшим Советам рабочих и солдатских депутатов свои Советы крестьянских депутатов, в которых большинство принадлежало эсерам. Раньше, в 1905 г., существовал беспартийный Всероссийский крестьянский союз. Теперь после трений с Крестьянским союзом партии социалистов-революционеров его лидеры решили восстановить организацию с прежним названием.

12 марта назначивший сам себя Главный комитет Крестьянского союза обратился к народу со своим первым воззванием. Без всяких угрызений совести он объявил себя «священным союзом всех классов» и убеждал крестьян «не мешать частным собственникам и не вмешиваться в их дела... Пусть и помещики засевают свои поля». Обращение заканчивалось словами о необходимости «восстановления свободного обмена, нарушенного царским правительством» — иными словами, отмены политики твердых цен на сельскохозяйственную продукцию. Защита промышленного капитализма соответствует интересам страны, так как торговля и промышленность, «свободные от вмешательства государства», обогащают страну и казну. Если же капитал «не находит выгодных условий», он «легко перетекает в другие страны» и даже попадает «в банки наших врагов».

Крестьянский союз не дерзал нападать на Советы крестьянских депутатов с открытым забралом. Он даже участвовал во Всероссийском съезде крестьянских Советов. С его точки зрения, Советы были органом, существовавшим только до Учредительного собрания, чтобы наблюдать за Временным правительством и поддерживать министров-социалистов. Напротив, Крестьянский союз должен был стать постоянной политической организацией, представляющей интересы деревни. Главный комитет Крестьянского союза ясно давал понять,

что в отличие от Советов, поддерживающих социалистов, он безоговорочно поддерживает все Временное правительство в целом.

Логика ситуации диктовала Крестьянскому союзу, что он должен созвать свой Всероссийский съезд сразу за Всероссийским съездом крестьянских Советов. Эта сепаратистская тенденция союза вызвала тревогу у вождей крестьянских Советов. Крестьянское движение оказалось решительно расколотым. Лидерам союза пришлось выбирать между союзом и Советами. Многие из наиболее видных представителей союза выступили за его ликвидацию. Министры-социалисты Пешехонов и Чернов также отказались участвовать в съезде союза. Остальные члены Главного комитета упорно защищали свою позицию и все же сумели созвать съезд 31 июля в Москве. После того как президиум отказался предоставлять слово тем, кто выступал против самостоятельного существования союза и за его слияние с Советами, меньшинство демонстративно покинуло съезд. Часть делегатов разъехалась. Оставшиеся в количестве ста пятидесяти человек (к концу их было меньше сотни) настояли на выборах Организационного комитета. Московский съезд закончился полным провалом. Он не выдерживал никакого сравнения со Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, на котором присутствовали 1353 делегата. После съезда в провинции началась борьба между Советами крестьянских депутатов и местными отделениями союза, которую выиграли первые, после чего последние почти полностью потеряли влияние. Исключениями были Дон и Украина.

Характерно, что после сильного давления слева съезд Крестьянского союза выражал свой «правый» характер только в области абстрактной политики. В общественном смысле он жестоко обманул надежды цензовой демократии. Вместо «свободы обмена» он потребовал установления твердых цен на промышленные товары, «передачи всей земли в пользу трудящегося крестьянства без выкупа» и отмены «частной собственности на землю».

Теперь помещикам оставалось только одно: попытаться отсрочить созыв Учредительного собрания, а тем временем вы-

жать из своих имений все что можно. Именья можно было закладывать и перезакладывать; это давало их владельцам намного больше, чем правительственная компенсация. Можно было «снять сливки», вырубив ценные леса, продав породистый скот и механическое оборудование. Можно было реально или фиктивно разделить имение на части, чтобы скрыть излишки земли по сравнению с нормой, гарантированной после конфискации. Землю можно было продать иностранцам, права собственности которых защищали другие государства. Безудержная спекуляция земельными участками стала обычным делом.

Крестьянство тут же почувствовало новую угрозу. «Берегитесь, хозяева, вы больше не обведете нас вокруг пальца. Только попробуйте украсть у нас землю», — слышалось повсюду. Теперь первым и всеобщим требованием деревни стал запрет на всю продажу, заклад, дарение земли и т. д. до Учредительного собрания; вторым — передача имений со всем скотом, оборудованием, лугами и прочим под контроль земельных комитетов, которые должны были не допустить их краха. К старым спорам об арендной плате, военнопленных, оплате труда батраков, покосах и лесах добавились новые. Это предполагало постоянное присутствие крестьян в имении. Не продал ли землевладелец свой племенной скот? Правда ли, что он заложил землю или продал лес? Считая дворянские имения законным наследством победившего народа, деревня установила их охрану. Там, где дворяне были более стоворчивы, восстановились мирные и даже соседские отношения. Но там, где помещики сопротивлялись — а где они не сопротивлялись? — их максимализм провоцировал ответный максимализм крестьян.

Почва для большевиков была подготовлена. Большевизм начал проникать в нее, пользуясь примитивными инстинктами, царившими в примитивной среде.

Крестьянин-большевик так описывает рождение сельского большевизма в Тамбовской губернии:

«На сходке крестьяне разделились на две группы. Одна предлагала забрать землю у дворян в соответствии с каким-то порядком и пропорционально разделить ее среди насе-

ления, но сохранить помещичьи постройки для культурных целей. Вторая предлагала немедленно сжечь имения, не оставив от них камня на камне. Они говорили: «Если все делать по порядку, мы никогда не прогоним помещиков из их имений».

Вторую группу, группу пролетариев, составляли бедняки, и их было большинство. Примерно в десять часов вечера толпа, ощутившая свою громадную силу, отправилась в имение Романова. Она вломилась в дом, вытащила хозяина на улицу в одной ночной рубашке, и началась месть... Они сожгли засеянные поля и имение, а потом принялись грабить дом.

Набат разбудил другие деревни; крестьяне села Ярославка отправились грабить и жечь имение Давыдова, крестьяне Тидворки и Екатеринина сожгли имения Ушакова и Комарова, в деревне Бажово сожгли имение Волосатова-Заева, а в ночь с 7 на 8 сентября начались пожары в имениях и нашего округа. Утром 8 сентября толпа людей шла по дороге в деревню с краденым имуществом: кто с мешком пшеницы, кто с кроватью, кто со скотом, а кто со сломанным креслом»¹⁵.

В Черниговской губернии толпа ворвалась в имение бывшего предводителя дворянства Судьенко. «Имущество, мебель, утварь и т. д. разделили между крестьянами; каждый взял что мог. Землю тоже поделили, а все постройки сожгли. В особняке было много редкостей и огромная библиотека, которую крестьяне пустили на самокрутки. Перед тем как сжечь дом, картины знаменитых художников разрезали на куски, чтобы шить из них штаны...»¹⁶

Дворяне ни за что не хотели «передела по-черновски». Они предпочли «черный передел» и получили его.

О да, они думали, что все выйдет по-другому. Они считали, что дикие крестьянские эксцессы заставят Временное правительство расстаться с нерешительностью и послать на усмирение крестьян военные части.

Это было бы настоящим безумием. Нет лучшего способа деморализовать армию, чем послать ее, на 90% состоящую из крестьян, подавлять движение миллионов своих братьев.

В Самарской губернии восстание подняли солдатские жены: «Дайте нам косить помещичью траву. За что наши мужья страдают третий год? Помещики привели из Хвалынска отряд солдат. Но когда солдаты — сами крестьяне — увидели, что мужики косят сочную траву, то тоже начали косить; они устали от винтовок. Крестьяне кормили солдат, беседовали с ними, а потом работали еще усерднее».

В Тамбовской губернии солдат вызвал князь Вяземский. Крестьяне встретили их криками: «Что вы делаете? Пришли защищать князя и убивать своих отцов? В реку их!» Командиру пришло в голову выстрелить в воздух. Получив удар камнем, он приказал солдатам рассеять толпу, но те не сдвинулись с места. Офицер пришпорил лошадь и ускакал от разъяренных крестьян на другой берег реки. Его отряд рассеялся и позволил толпе схватить князя. Они арестовали Вяземского и послали на фронт как «уклоняющегося от призыва». На ближайшей железнодорожной станции князя линчевал отряд сибирских ударных частей, направлявшийся на фронт.

В Славуте Изяславского уезда Волынской губернии отряд из пятидесяти казаков был послан в имение князя Сангушко, чтобы умиротворить крестьян. Неподалеку была расквартирована пехотная часть, вернувшаяся с фронта. Как только казаки уехали на разведку в лес, солдаты «присоединились к крестьянам. Сначала они вломились во дворец князя. Князь пытался бежать. Солдаты быстро рассредоточились и начали его искать. Обнаружив Сангушко у крутого моста, они взяли его на штыки, трижды подняли в воздух, а на четвертый раз штык вонзился ему прямо в сердце. Не тратя времени даром, солдаты и крестьяне вытащили из особняка три несгораемых ящика с несколькими миллионами рублей золотом, серебром и ассигнациями, раздали деньги бедным, а потом сожгли княжеские хоромы. Затем крестьяне, никого не боясь, начали дерзко делить землю»¹⁷.

Крестьян в серых шинелях, возбужденных городской революцией, посылали против крестьян, которые не могли и не хотели продолжать жить по царским аграрным законам после свержения самодержавия. Более самоубийственной политики нельзя было себе представить.

- ¹ Труды второй сессии Главного земельного комитета. Пг., 1917.
- ² *Лутохин А.* Земельный вопрос в деятельности Временного правительства // Записки Института изучения России. Т. 2. С. 355.
- ³ *Алавердова А.* Очерк аграрной политики Временного правительства // Социалистическое хозяйство. 1925. Т. 2. С. 163.
- ⁴ Телеграмма Балашовского уездного земельного комитета (архив Временного правительства).
- ⁵ См. статьи Чернова в парижской «Жизни» и женеvской «Мысли», собранные в брошюре «Действительные и мнимые поражения».
- ⁶ *Лутохин.* Указ. соч. С. 360.
Там же. С. 361.
- ⁸ *Lenin V. I.* A new deception of the peasants by the socialist revolutionary party // Collected works. New York, 1932. Vol. 21, Bk 2. P. 141.
- ⁹ *Каценеленбаум Ц.С.* Финансовая сторона земельной реформы // Русские ведомости. 1917. № 123, 130.
- ¹⁰ 1917 год в деревне. С. 193 — 194.
- ¹¹ Из материалов министерства земледелия, впервые опубликованных в газете «Дело народа» в августе 1917 г.
- ¹² Земля и воля. 1917. 5 октября; там же. 14 апреля.
- ¹³ Красный архив. Т. 14. С. 205.
- ¹⁴ *Шидловский.* Воспоминания. Т. 2. С. 122—123.
- ¹⁵ 1917 год в деревне. С. 70—71.
- ¹⁶ Там же. С. 185.
- ¹⁷ Там же. С. 174.